

Чу Цзэшэнь мгновенно понял и продолжил:

— Однако в детстве я часто проигрывал ему, и он часто наставлял меня в игре.

Старейшина Чу, стоявший позади Чу Цзэшэня, фыркнул:

— Что значит «в детстве проигрывал»? Ты и сейчас мне не ровня.

В семье Чу Старейшина Чу был известен как заядлый, но не самый сильный игрок. Пока бабушка была жива, она часто ему поддавалась, что раздуло его самомнение, и он с удовольствием «мучил» юного Чу Цзэшэня.

Чу Цзэшэнь учился шахматам у бабушки, и его мастерство росло, но она наставляла его поддаваться деду во время игры.

Маленький Чу Цзэшэнь недоумевал:

— Почему?

Бабушка, погладив его по голове, ответила:

— В школе вас учат уважать старших, правда? Дедушка уже в годах, уступи ему.

Так он и уступал на протяжении всей начальной школы. После перехода в среднюю школу Чу Цзэшэнь редко играл с дедом в шахматы.

Чу Цзэшэнь согласился с его словами:

— Да, в нашей семье ты второй по мастерству, а я на последнем месте.

Поскольку первое место занимала его супруга, Старейшина Чу полностью согласился с этим рейтингом. Взглянув на текущую партию, он сказал:

— Ты точно на последнем месте, а Бай стал третьим в нашей семье.

Чу Цзэшэнь давно не играл в шахматы, его рука застоялась, он ещё не вошёл в ритм. К тому же Гу Бай действительно был силён, и Чу Цзэшэнь временно не мог с ним справиться.

Вторая партия также закончилась поражением Чу Цзэшэня.

Старейшина Чу, наблюдавший за игрой, заскучал. После второго поражения Чу Цзэшэня он выгнал его с места:

— Мелкий, ты совсем забыл, чему тебя учила бабушка? Смотри внимательно.

Чу Цзэшэнь покорно встал позади Старейшины Чу и наблюдал.

Гу Бай не ожидал, что Старейшина Чу сам сядет играть. Против Чу Цзэшэня он мог играть в полную силу, но теперь каждый ход требовал тщательного обдумывания.

На протяжении всей игры Гу Бай ни разу не посмотрел на Старейшину Чу, а лишь обменивался взглядами с Чу Цзэшэнем, стоящим позади.

Гу Бай не имел опыта в поддавках, и каждый следующий ход сопровождался взглядом на Чу Цзэшэня за одобрением.

Куда бы ни смотрел Чу Цзэшэнь, Гу Бай делал ход в том направлении. Благодаря их незаметному сотрудничеству Старейшина Чу выиграл партию, так и не заметив их сговора.

Радость на лице Старейшины Чу была не скрыть, но он не стал подрывать уверенность Гу Бая, а ободрил его:

— Ты сильнее Цзэшэня. Если сосредоточишься и будешь учиться, то достигнешь новых высот.

Гу Бай серьёзно ответил:

— Понял, дедушка.

Когда Гу Бай встал, Чу Цзэшэнь незаметно протянул ему ладонь. Гу Бай поднял бровь и ударил по ней своей. Ладонь к ладони — знак их совместной победы.

Наступило время поминовения. Гу Бай последовал за Чу Цзэшэнем в более глубокую комнату, напоминавшую небольшой храм, где стояли несколько табличек с именами предков.

На деревянном столе уже были приготовлены предметы для подношений. В комнате не было посторонних, только они трое.

Гу Бай и Чу Цзэшэнь встали на колени на подушки вслед за Старейшиной Чу.

Поминальная церемония в семье Чу была простой: зажгли благовония, поднесли вино. После завершения ритуала Старейшина Чу начал разговаривать со своей супругой, как будто она была жива.

— В этом году Цзэшэнь привёл кого-то домой. Да, того самого мальчика, который только что подносил вино. Правда, славный? Цзэшэнь теперь создал семью, наконец-то у него есть кто-то, кто будет о нём заботиться, так что ты можешь не беспокоиться...

У Старейшины Чу было много слов, поэтому Чу Цзэшэнь увёл Гу Бая, чтобы дать деду возможность поговорить с бабушкой наедине.

Они ждали у входа. Гу Бай сел на каменную плиту в длинном коридоре:

— На Праздник Луны ты проводишь время только с дедушкой?

Чу Цзэшэнь сел рядом:

— Другие члены семьи Чу приходят с визитом, но не остаются на обед, так что только я и дедушка.

Праздновать вдвоём было немного одиноко. Однако в следующем году, если всё пойдёт хорошо, он будет отмечать праздники с семьёй Чу: Национальный день, Новый год и Праздник Весны.

Старейшина Чу долго разговаривал с бабушкой, прежде чем выйти. Его глаза были красными, когда он сказал Чу Цзэшэню:

— Отведи Бая поговорить с бабушкой, пусть она порадуетя.

Чу Цзэшэнь снова повёл Гу Бая внутрь.

— Мы можем сесть. Бабушка не любит, когда младшие стоят на коленях, разговаривая с ней.

Гу Бай послушно сел на подушку.

Чу Цзэшэнь немного помолчал, прежде чем сказать:

— Бабушка, я женился.

Гу Бай тоже молчал. Перед людьми он мог играть роль, но сейчас он стоял перед табличкой старшего, размышляя, что сказать.

— Бабушка, меня зовут Гу Бай.

Он не сказал, что он супруг Чу Цзэшэня. Номинально это было так, но оба они понимали, что это лишь формальность.

Чу Цзэшэнь глубоко вздохнул и больше не сказал ни слова.

Гу Бай подумал, что Чу Цзэшэнь предаётся воспоминаниям, поэтому не стал его беспокоить и молча ждал.

Через несколько минут Чу Цзэшэнь сказал:

— Ладно, пойдём.

Гу Бай слегка сжал губы:

— Хорошо.

После поминовения наступило время обеда. Старейшина Чу уже успел взять себя в руки, хотя в душе ему всё ещё было грустно. Однако в любимый праздник своей супруги он не показывал своих чувств, весело обедал с младшими и выпил немного вина.

После обеда Старейшина Чу сказал Гу Баю:

— Отдохни днём в комнате Цзэшэня.

Они останутся в старом доме на весь день, а вечером будет церемония любования луной.

Гу Бай согласился:

— Хорошо.

Старейшина Чу ушёл в свою комнату отдохнуть.

Гу Бай, глядя на его спину, с беспокойством спросил:

— Дедушка, кажется, после поминовения его настроение не очень.

Чу Цзэшэнь ответил:

— Да. После смерти бабушки он так ведёт себя каждый год. В первый год я зашёл в комнату, чтобы быть с ним, но он, читая любовные письма бабушки, выгнал меня, одинокого пса. На второй год он сказал, что от меня пахнет деньгами и это мешает ему наслаждаться литературными произведениями, и тоже выгнал. На третий год, как только я переступил порог, он заявил, что я ему мешаю, и велел не входить.

Он посмотрел на Гу Бая:

— Так что не беспокойся. Дедушка просто вспоминает бабушку по-своему. После полудня он придёт в себя.

Гу Бай спросил:

— А ты? Я буду с тобой.

После того как его выгоняли, Чу Цзэшэнь обычно возвращался в свою комнату, чтобы

заниматься каллиграфией. Это был его способ вспоминать бабушку.

Чу Цзэшэнь повёл Гу Бая в свою комнату. Гу Бай сначала думал, что комната Чу Цзэшэня будет оформлена в старинном стиле, но она оказалась очень современной, ничем не отличающейся от обычной комнаты.

Чу Цзэшэнь уловил его мысли:

— Бабушка говорила, что молодежь должна выглядеть как молодежь. Интерьер моей комнаты она оформила в соответствии с моими предпочтениями.

Действительно, комната выглядела очень по-молодёжному: на стене висели скейтборд и баскетбольный мяч, на полке стояли медали и грамоты, а остальное пространство занимали комиксы.

Но в этой современной комнате был один необычный элемент — ширма, разделявшая стол и кровать.

Чу Цзэшэнь пояснил:

— Эта ширма — единственное, что дедушка смог добавить в дизайн комнаты.

Гу Бай рассмеялся, глядя на большой стол:

— Это место, где ты делал домашнее задание после школы?

Чу Цзэшэнь покачал головой:

— Обычно я делал уроки в школе. Это место, где я занимаюсь каллиграфией.

— Бабушка тоже тебя этому учила? — Гу Бай подошёл ближе.

— Да. Бабушка преподавала мне литературу и искусство, а дедушка — управление и... как увиливать, — Чу Цзэшэнь тихо добавил плохое о старейшине. — Он боялся, что, увидев кровать во время занятий каллиграфией, я захочу спать, поэтому и поставил эту преграду.

Гу Бай рассмеялся и притворно пригрозил:

— Я сейчас расскажу дедушке.

Чу Цзэшэнь не испугался:

— Но ты же на моей стороне.

Гу Бай спросил:

— Когда это я стал на твою сторону?

Чу Цзэшэнь поднял ладонь перед Гу Баем:

— Когда мы вместе обманули дедушку.

Гу Бай притворно вздохнул и показал ножницы своей рукой.

— Я выиграл.

Чу Цзэшэнь с улыбкой ответил:

— Я проиграл.

Мокка, лежа у двери, зевнула и скучающе наблюдала за детскими играми своих хозяев.

Чу Цзэшэнь достал из шкафа инструменты для каллиграфии. Он возвращался сюда каждый год, поэтому всё было в полном порядке.

Гу Бай признался, что не умеет заниматься каллиграфией. Ведь изучение литературы не обязательно подразумевает владение этим искусством.

Чу Цзэшэнь удивился:

— Но твоя мама из литературной семьи, как же...

Гу Бай забыл об этом. Бабушка его матери была известной каллиграфшей, и внук, казалось бы, должен был хоть немного этому научиться.

Он уверенно заявил:

— В детстве мне не нравилось учить каллиграфию, я часто ленился, а теперь почти всё забыл, будто и не учился.

<http://bllate.org/book/15495/1374475>